

УДК 82.091

К. И. Морозова

<https://orcid.org/0000-0003-2911-5621>

А. К. Гольдебаев (Семёнов) и А. Р. Крандиевская: уроки писательского мастерства

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ, проект 20-312-90040 «Творчество А. К. Гольдебаева (Семёнова). Феномен „провинциального писателя” в русской литературе конца XIX – начала XX вв.»

Для цитирования: Морозова К. И. А. К. Гольдебаев (Семёнов) и А. Р. Крандиевская: уроки писательского мастерства // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 3 (26). С. 29–36. DOI 10.20323/2499-9679-2021-3-26-29-36

В статье представлена попытка анализа творческого взаимодействия двух литераторов начала XX века – А. К. Гольдебаева (1863–1924) и А. Р. Крандиевской (1866–1938). Для этого изучена сохранившаяся переписка литераторов, а также проанализирован рассказ А. К. Гольдебаева «Иван Степанович» («Будни Ивана Степановича»), о котором идёт речь в его письмах и в письме его литературной наставницы, разделявшей общее настроение своего адресанта, но справедливо указавшей ему на ряд его художественных ошибок и просчётов. Так, если Гольдебаев считал, что качественная публицистика может обладать высокой художественной ценностью и брать на себя функции литературы, то Крандиевская выступала категорически против публицистичности литературы, убеждая в своей правоте и ученика из провинции. Кроме этого, с целью выяснения того, какие уроки мог извлечь провинциальный сочинитель у своей наставницы из столицы, в статье рассматривается рассказ А. Р. Крандиевской «Газетчица». Выбор именно этого произведения объясняется «газетной» тематикой, роднящей его с рассказом Гольдебаева. В статье делается вывод о том, что после прочтения рассказа Крандиевской Гольдебаев должен был пересмотреть повествовательную организацию своих сочинений, научившись сдерживать своё авторское «я», научиться использовать в качестве основной характеристики персонажей и движущей силы сюжета диалоги и внутренние монологи, исключать описание лишних деталей и подробностей, концентрируясь исключительно на существенных сюжетобразующих элементах, и в соответствии с этим выстраивать композицию всего произведения так, чтобы события развивались динамично. Всё это, по мнению Крандиевской, и должно было помочь её адресату и ученику создать «что-нибудь крупное».

Ключевые слова: А. К. Гольдебаев, А. Р. Крандиевская, «Будни Ивана Степановича», «Газетчица», литературное наставничество.

К. I. Morozova

A. K. Goldebaev (Semenov) and A. R. Krandievskaya: lessons in creative writing

The article presents an attempt to analyze the creative interaction of two literary figures of the early XXth century: A. K. Goldebaev (1863–1924) and A. R. Krandievskaya (1866–1938). For this, the correspondence of the writers was studied. Also, the author analyzes the story of A. K. Goldebaev «Ivan Stepanovich» («Everyday life of Ivan Stepanovich») which is discussed in his and his literary mentor's letters. Krandievskaya shared the general mood of her Samara addressee, but she rightly pointed out to him a number of his artistic and technical mistakes. If Goldebaev believed that high-quality journalism could have a high artistic value and take on the functions of literature, then Krandievskaya was strongly against publicistic literature, convincing her provincial student that she was right. In order to find out what lessons a provincial writer might have learned from his metropolitan mentor, the article examines A. R. Krandievskaya's story «The Newspaper Girl». The choice of this work is explained by the «newspaper» theme, which made it related to the story by Goldebaev. The article concludes that after reading Krandievskaya's story, Goldebaev had to revise the narrative organization of his works, having learned to restrain his author's «I», learn to use dialogues and internal monologues as the main characters' profile and the driving force of the plot, exclude the description of unnecessary details, concentrating exclusively on the essential plot-forming elements, and in accordance with this, build the composition of the entire work so that the events unfold dynamically. All this, according to Krandievskaya, was supposed to help her addressee and student to create «something big».

Key words: A. K. Goldebaev, A. R. Krandievskaya, «Everyday Life of Ivan Stepanovich», «The Newspaper Girl», literary mentoring.

Введение

А. К. Гольдебаев (1863–1924) – писатель и журналист рубежа XIX–XX веков, значительная часть творческой жизни которого была связана с провинцией. Однако, биографический «провинциализм» А. К. Гольдебаева не мешал ему активно интересоваться литературной жизнью и делами обеих столиц и даже способствовал этому, подталкивая к знакомству со столичными литераторами, которые могли что-то подсказать, посоветовать, чему-то научить. Так произошло заочное знакомство писателя с А. П. Чеховым, отредактировавшим один из его рассказов, увидевших свет на страницах журнала «Русская мысль». Аналогичным образом сложилось знакомство А. К. Гольдебаева с А. М. Горьким, М. А. Кузминым и ещё некоторыми другими писателями, по-разному реагировавшими как на сочинения провинциала, так и на его иногда, может быть, слишком настойчивые попытки заручиться их поддержкой в поисках своего места под литературным солнцем. Далеко не последняя роль в этом ряду принадлежит и ещё одному столичному литератору, в котором А. К. Гольдебаев видел настоящего наставника, мастера пера, каждое слово которого расценивалось им как руководство к действию и рецепт литературного успеха. Речь об А. Р. Крандиевской, в отличие от многих других знакомых провинциального литератора жаждавшей наставничества, охотно взявшей на себя роль покровителя и на протяжении нескольких лет довольно успешно справлявшейся с этой ролью.

Ниже мы суммируем всё, что известно о творческих взаимоотношениях А. К. Гольдебаева и А. Р. Крандиевской, а также предпримем попытку анализа того, в чём именно заключались «уроки», данные А. Р. Крандиевской её «ученику», и скажем о том, как эти уроки были усвоены последним.

Методы исследования

Основными методами исследования в данной статье являются сравнительно-сопоставительный, структурный и биографический. Первый способствует более полному раскрытию и пониманию творчества А. К. Гольдебаева. Сопоставление его рассказа «Будни Ивана Степановича» с рассказом его наставницы А. Р. Крандиевской «Газетчица» позволяет наметить некоторые аспекты творческой эволюции самарского писателя, а также выявить отношение писателей двух разных миров –

столичного и провинциального – к революционным событиям рубежа веков. Второй метод направлен на выявление особенностей организации текстовой структуры и функционирования анализируемых художественных текстов. Наконец, биографический метод предусматривает анализ произведения Гольдебаева через изучение личности писателя в контексте эпохи, в нашем случае – посредством сохранившейся, пусть и частично, переписки с А. Р. Крандиевской.

Результаты исследования

На сегодняшний день известны три письма А. К. Гольдебаева, адресованные А. Р. Крандиевской, и одно ответное письмо А. Р. Крандиевской к А. К. Гольдебаеву. При этом некоторые из писем сохранились не в полном объёме, а три из них не датированы или датированы нами приблизительно.

Достаточно откровенная переписка Гольдебаева и Крандиевской свидетельствует о том, что писатели были знакомы очно и находились в близких и доверительных отношениях. Видно, что Крандиевская общалась с Гольдебаевым не из вежливости, а в самом деле была заинтересована в том, чтобы помочь пока ещё неопытному коллеге по перу. А тот факт, что Крандиевская подарила Гольдебаеву сюжет произведения «Будни Ивана Степановича» и расписала подробный план действий по его реализации, говорит о глубокой симпатии к самарскому протеже.

Из сохранившихся писем следует, что писатели боролись за сохранение художественного слова в его классическом виде. Крандиевская выступала категорически против публицистичности литературы. А Гольдебаев считал, что качественная публицистика и даже беллетристика могут обладать высокой художественной ценностью. Главная задача писателей как «интеллигентов толпы» – «приохотить эту толпу к острому, колючему наслаждению мышления о бедах и невзгодах человечества и родины».

Далее рассмотрим рассказ «Иван Степанович» («Будни Ивана Степановича»), о котором идёт речь в письмах Гольдебаева и в письме его литературной наставницы, разделявшей общее настроение своего самарского адресанта, но указавшей на его художественные ошибки и просчёты.

Прежде всего, скажем несколько слов о фабуле рассказа. Иван Степанович Курунов, мелкий чиновник в некоем управлении, увлёкся чтением газет либерального направления и пришёл к

мысли, что он не вправе оставаться в стороне от политической «весны», про которую писали газеты. Курунов сочинил собственную «резюлюцию», в которой провозглашал, что «бюрократический строй задавил Россию» и пришло время его уничтожить. Он был уверен, что его сочинение «завтра же будет освещено сотнями подписей и получит громадную, неискупимую цену, – цену акта всенародной воли», но столкнулся с тем, что все чиновники его управления, за исключением «не имеющего чина Автонома Швабрина», отказали в подписи. Вскоре Курунов стал в своём управлении белой вороной – его называли «бунтовщиком». Финал этого «бунтарства» не заставил себя ждать: посланный начальством к Курунову сослуживец принёс ему «прошение об увольнении». «Уволили, уволили, Матрёша. Всурьёз, не шутя уволили», – этой репликой, обращённой к супруге, и завершается рассказ.

Рассказ состоит из четырёх частей. Из первой мы узнаём, как чиновник проникся любовью к печатному слову: «Это увлечение газетами явилось у него неожиданно, без подготовки; прежде, до последних дней, газет он почти и в руки не брал, находя в них вялые рассуждения о том, что далеко от живой жизни, да странные умолчания о таких событиях, которые были известны даже ему, второстепенному агенту государственного учреждения <...>» [Гольдебаев]. Как-то сослуживец показал ему рубрику «Среди газет и журналов» в «Курьере», и «чтение газет стало для него необходимостью <...> И, читая газеты, особенно „свою“, Иван Степаныч испытывал подчас такое ощущение, что как будто оторвался от земли, со всем её мелкими, набившими оскомины, делишками» [Гольдебаев].

Во второй части герой решает вмешаться в происходящее вокруг и делится планами с коллегой Гвоздевым, заговорившим после о «резюлюции»: «Не жизнь была, а кошмар, – особенно в последние годы <...> Такое ненормальное состояние не может длиться вечно для общества, если оно еще не разложилось окончательно, не начало гнить заживо...» [Гольдебаев].

В третьей части герой обращается к коллегам за подписью в «резюлюции», но сталкивается с их нерешительностью. Завершается она сообщением сослуживца о закрытии той самой газеты. «Так вот-с, советую подумать о том, какие явления текущей минуты способны поощрить на попытки дальнейших заявлений. Тут вот напечатано: „двадцать девятое“, и номер ещё цветёт, бьёт в нос самыми весенними запахами. А теперь у

нас третье, и, судя по телеграммам, в Петербурге уже четыре дня, как установилась прекрасная российская зима, – крепкая, ядрёная, исторически сложившаяся, с бодрящими морозцами, с удобным и надёжным путём для Руси-тройки, Руси-птицы...» [Гольдебаев].

Так, отказ коллег подписать документ, воспринимавшийся их малодушием, обернулся их предусмотрительностью, а позиция Курунова – позицией непредусмотрительного глупца.

В четвёртой части рассказа наступает развязка. Герой скорбит о закрытой газете («Он старался думать о „редакции“, подвергшейся гнусному насилию, не имея возможности соприкоснуться с ней более никаким путём: ему представлялись смутные очертания человеческих фигур, сидящих с опущенными головами в тёмной, замкнутой комнате и переживающих жгучее чувство обиды...» [Гольдебаев]), но потом понимает, скорбеть надо о себе и своих близких, ставших жертвами весны, о которой твердили газеты.

Сюжет рассказа развивается от вхождения героя в доселе недоступный для него мир печатного слова, либеральных лозунгов и призывов и – до того, как вновь оказывается ни с чем.

Какую позицию в изображённом жизненном крахе героя занимал сам Гольдебаев? Думается, ответа на него не знал и он сам, разрывавшийся между пониманием необходимости обновления, вестниками которого становились газеты, и – сочувствием маленькому человеку, вынужденному в любом случае становиться только щепкой в волнах исторического процесса. Именно эта непоследовательность, вероятно, осознаваемая и самим Гольдебаевым, и его первыми читателями, сбивала с толку его самого и воспринималась и им, и другими, как свидетельство творческой слабости. Однако, эта «слабость» Гольдебаева, может сегодня рассматриваться и как его настоящая сила: понимающий неизбежность исторического (социального, политического и т. д.) прогресса, писатель был не в силах закрыть глаза на отдельного человека, в любом случае становящегося жертвой истории. Сочувствие этому человеку и составляет главное содержание рассказа о внезапно начавшейся и так же внезапно завершившейся «весне», ценой внезапности которой оказался регистратор Иван Степанович Курунов. Но Крандиевская так не думала, и «слабость» героя гольдебаевского рассказа была для неё только слабостью.

Убедимся в этом, обратившись к творческому опыту Крандиевской – к рассказу «Газетчица»,

увидевшему свет на страницах журнала «Жизнь» в 1900 году.

Согласно фабуле, Нина Ивановна Колобкова, вдова, воспитывающая двух дочек, чтобы хоть как-то сводить концы с концами, трудится в газете «Балагур», куда устроилась ещё при жизни мужа, «очень маленького писателя и очень несчастного человека», мечтавшего создать «что-нибудь крупное». Редактор Николай Фомич Стебельков нещадно сокращал тексты Колобковой в то время, как её коллега Митюшкин «закатывал» одновременно по две низкопробные статьи. Отчаявшаяся Колобкова, подготовив очередное иностранное политическое обозрение, не стала оставлять взыскательного редактора наедине с текстом и завязала с ним разговор. Получив порцию критики, Колобкова перешла в наступление – начала льстить: «А ведь из вас вышел бы удивительный, прямо редкостный государственный человек и оратор». В итоге Николай Фомич подарил её своей сборник статей, пропустил без редакторской правки её обозрение и вообще перестал придирается. У женщины появилась надежда на улучшение материального положения, но газету закрыли. Читателю остаётся неизвестной дальнейшая судьба героини. Крандиевская заканчивает рассказ тем, что женщина осталась без малейшей поддержки.

Рассказ состоит из пяти глав и начинается с конфликта – редактор «Балагура» беспощадно сокращает тексты Колобковой, отдавая большую часть полосы под рубрику «Дела-делишки» «подлизы» и «прохвоста» Митюшкина. «И всё-то вас этот Митюшкин изводит... И озорник же, чтоб ему пусто!.. И охальник же! Мало ли, – и вчера зачеркнули, и третья дни, и сегодня» [Крандиевская, 1900, с. 133], – возмущалась Пашута, прислуга в доме Колобковых. Её слова свидетельствуют о том, что это не первый случай ограничения творческой свободы Колобковой. Иначе говоря, повествование начинается с развивающегося действия, то есть фабульное время опережает сюжетное. Завершается сюжетная ситуация так: старшая дочь опрокидывает кувшин молока, чем усиливает раздражение матери. Та кричит и прогоняет дочь.

Вторая часть и вторая сюжетная ситуация разворачиваются в этот же день и начинаются одновременно: часов в 12 героиня направилась в редакцию. Когда она добралась, стрелки на часах не сдвинулись. Остановка художественного времени связана с тем, что всю дорогу Колобкова была в своих мыслях, от них «всё мутилось, во

рту сохло, болело сердце, и ноги с трудом передвигались по земле» – вот и потеряла счёт времени. В редакции она минут десять просидела перед газетами, потом снова задумалась. «Два детских личика, худеньких и бледненьких, вдруг встали перед нею, как живые и взглянули на неё жалобными глазами, такими печальными и сиротливыми». Женщина заплакала. Таков конец этой части рассказа, но не сюжетной ситуации.

Думы Колобковой прервали электрический звонок и сморкание Митюшкина. Она смахнула слёзы и взяла газету. Когда недруг «из одного кармана вынул пачку газетных вырезок, а из другого – свёрток чистой бумаги, изрезанной на четвертушки», она поняла, тот запланировал два текста. Колобкова принялась за работу. «Один за другим повалили сотрудники». Сколько времени прошло с момента погружения Нины Ивановны в работу – неизвестно. Крандиевская пишет, что Стебельков «вошёл или, вернее, впорхнул, как птичка» часа в два. Сотрудники поприветствовали его и приступили к работе. Часа полтора Колобкова искала иностранные новости в газетах. Ничего не обнаружив, она обратилась к редакционному секретарю. Митюшкин услышал её жалобы о тотальной редактуре и вмешался, к нему присоединилась Мария Уточкина, вырезавшая из газет «Разные разности». Когда полемика сошла на нет, все вернулись на места. Через два часа Колобкова отправила материал в типографию. Как только в 6 часов вошёл метранпаж с гранками, она пошла к редактору и разыграла «гнусную сцену лести и лицемерия». Вторая сюжетная часть и третья глава рассказа завершаются так: героиня обменялась парой фраз с Пашутой и стала ласкать дочек.

В четвёртой части располагается задержанная экспозиция. Мы узнаем, что до того, как Колобкова устроилась в «Балагур», они с мужем «ютились по плохим квартирам, питались отвратительно, одевались убого, рожали хилых детей и воспитывали их зародышами...». За неделю работы Нина Ивановна получила 48 рублей. На следующий день муж поругался с редактором еженедельника, в котором работал. Через месяц Колобкова пришла в слезах: «ни за то, ни за сё оскорбил её Стебельков, обозвал вольнодумкой, анархисткой, синим чулком, вычеркнул целых две трети её “Обозрения”». Колобков попрекнул жену тем, что «12 лет мыкался по этим вертепам». Через полгода он умер.

Неизвестно, спустя какое время после предыдущей части происходят события в пятой главе.

Но для героини наступили дни благодетельного затишья. Апрельским утром, воодушевлённая политическими событиями, она спешила на работу. Но с порога слуга Гришка ошеломил новостью о закрытии газеты. «Доканали-таки нас, матушка!.. Конец!.. Finita comedia!.. Съели-таки... Даже не остановить, а воспретить окончательно-с... изъять из употребления, – понимаете ли вы?» [Крандиевская, 1900, с. 149], – сетовал редактор «Балагура». Только на другой день героиня нашла силы «громко, неистово голосить, как голоса деревенские бабы-кликуши».

Итак, внешняя композиция не совпадает с внутренней. К тому же, она ретроспективна. Это ещё больше сбивает и без того неравномерное течение художественного времени, возвращая его назад. Причина такого способа моделирования художественной действительности – устранение длиннот, на которые сетовала в письме Гольдебаеву. Во-первых, помещение завязки конфликта в первую главу придаёт динамизм повествованию: «каждое последующее текстовое звено призвано что-то приоткрыть читателю, обогащать его какими-то сведениями, главное же – будить его воображение, чувство, мысль, не вызванные сказанным ранее» [Литературная ... , 2001, с. 387].

Во-вторых, обобщённый тип изложения фабульных событий освобождает повествование от лишних деталей. Так, Крандиевская говорит, что Колобковы «рожали хилых детей и воспитывали их зародышами». Исходя из текста, известно только о существовании двух дочек. При этом автор не уточняет, что стало с остальными детьми. Остаётся лишь догадываться, они не выжили. Вычёркиванием ненужных подробностей объясняется и неравномерность художественного времени: досконально описаны лишь события, связанные напрямую с работой героини в газете.

Обращает на себя внимание и повествовательная манера Крандиевской. Описание событий выстраивается по большей части на диалогах персонажей и внутренних монологах. В центре каждой речевой ситуации находится Нина Ивановна.

Так, в первой части рассказа помещён её диалог с прислугой Пашутой, в третьей – полилог с Митюшкиным, Марией Уточкиной и «„Передовиком“ по внутренним вопросам» об идейной направленности газеты, заискивающий разговор с редактором Стебельковым и краткий вечерний обмен репликами с Пашутой и дочурками, в четвёртой – ещё прижизненный диалог с мужем и,

наконец, в пятой – снова разговор с Пашутой и коллегами по газете.

Вторая часть содержит внутренние монологи героини, выраженные прямой речью. Один из них от – третьего лица: «„Непременно, подлец, выживет, посадит на её место своего зятя или ещё кого из приятелей. И, быть может, уже вся редакция знает, что её, Нину Колобкову, не нынче – завтра выгонят...”» [Крандиевская, 1900, с. 134]. Прямая речь переходит в несобственно-прямую: «И от этих мыслей всё мутилось, во рту сохло, болело сердце, и ноги с трудом передвигались по земле. Не хотелось идти в редакцию, постыло было думать о новом английском законопроекте, о котором она вчера в своём „Обзрении“ пообещалась поговорить „в следующий раз“, то есть сегодня. <...> Ах, скорей бы уже конец. Гнали бы, так гнали. <...>» [Крандиевская, 1900, с. 134].

Голос персонажа сливается с голосом автора, что объясняется глубоким сочувствием Крандиевской своей героине. Но чтобы не покидать выбранную позицию наблюдателя, авторская точка зрения Крандиевской сначала маркируется третьим лицом в прямой речи Колобковой, а затем слова героини перетекают в слова автора.

Вообще, обилие прямой речи объясняется тем, что Крандиевская старалась максимально исключить субъективную оценочность и создать иллюзию объективного авторского повествования.

Что касается внутренних монологов, то в них прямая речь мотивирована одиночеством Нины Ивановны. Несмотря на то, что рядом с ней были обожаемые дочери и добродушная прислуга, женщина вынуждена самостоятельно справляться со всеми и невзгодами. Думы о том, как заработать, не покидают её ни на минуту. Поэтому часто она мысленно разговаривает сама с собой. Когда в моменты отчаяния и ярости она говорила вслух, то делала это больше по причине переполняющих эмоций, а не с целью услышать слова поддержки: «<...> всё внутри у неё [Колобковой] колотилось и рвалось от обиды. И она всё говорила... говорила, скорей, самой себе, чем Пашуте, хотя и обращалась к Пашуте, как к единственному свидетелю её ежедневных, в последнее время почти непрерывных, терзаний» [Крандиевская, 1900, с. 133].

Жизнь героини, несмотря на периодические вспышки счастья, катилась в пропасть. Неспроста Крандиевская иронично наделяет её фамилией Колобкова. С персонажем русско-народной

сказки, от имени которого и происходит фамилия, «газетчицу» сближает трагический финал жизни: как колобка съела лиса, так Нину Ивановну Колобкову – обстоятельства. Читатель понимает, что героиня вряд ли выберется из бездны навалившихся на неё проблем.

К слову, работа в газете с легкомысленным названием «Балагур» изначально не пророчила ничего хорошего. Да и сами сотрудники этого издания напоминали шутов: «Рыженький и тощий хроникёр, всегда пьяненький и дурно пахнувший. Сорокапятилетняя девица, Мария Уточкина, вырезавшая из газет „Разные различия“, за что получала копейку со строчки, особо грузная, мясистая, с круглыми, выпуклыми глазами, похожая на жабу. „Передовик“ по внутренним вопросам с толстым, сизым носом, с бритым подбородком и со щетинистыми солдатскими усами, разбитной малый, любимец цыганских хоров и трактирных половых. Романист Самков, он же и „наш собственный корреспондент“, юноша сухой и длинный, с нечистым, угреватым лицом, в пенсне и в рябой паре не по росту. Критик и библиограф Страхов, именовавший себя дворянином» [Крандиевская, 1900, с. 136–137]. Одним словом, автор рисует журналистов людьми, в той или иной степени потерявшими человеческий облик и больше напоминающими зверей. И это вряд ли случайно: согласно Библии, звери, пришедшие к власти над миром, – один из вестников приближающегося конца света.

Также обращает на себя внимание интерьер редакции «Балагура»: «Унылый вид этой убогой „залы“, узенькой, длинной, с грязными, заплёванными по карнизам стенами и с единственным итальянским окном, в которое никогда не заглядывало солнце» [Крандиевская, 1900, с. 135]. Внешне и внутренне, редакция в полной мере отражала характер страны, дышащей революцией. Сотрудники разделились на два лагеря – тех, кто был категорически против освещения на страницах печатного издания событий Запада, и тех, кто не видел в этом ничего плохого. Идеино-политическое размежевание внутри редакции достаточно ярко иллюстрирует следующая сцена:

« – Ведь Николай Фомич недавно объявил себя последователем покойного Аксакова, так оно того... не ко двору теперь иностранщина-то ваша... Видите ли... <...> русская газета должна служить исключительно русским интересам, наследовать русскую действительность... В самом деле, мало ли у нас своих собственных русских вопросов, которые со всех сторон заявляют

о себе и требуют внимания русских людей? <...>

– Русские вопросы! – кричала она [Мария Уточкина] негодуя и страстно, – Да от ваших вопросов у читателей отрывка скоро начнётся, тошнота...» [Крандиевская, 1900, с. 138]. Так, в стенах редакции столкнулись те же две точки зрения, которые раздирали на части и Россию: «столкнулись точки зрения универсализма теории, основанной на западном пути, и мнение об особых условиях революции в России и, соответственно, особом пути её развития» [Лысков, 2013, с. 37].

Позиция же Колобковой выражена не так чётко. Читатель может предположить, что в споре западников и славянофилов она занимает, так сказать, позицию нейтралитета. Она не является ярой противницей «иностранины» хотя бы потому, что дома у неё был венский стул. Да и вообще она пристально следила за событиями «там», приносящих ей заработок. Скорее всего, героине «Газетчицы» была близка народническая идеология, которая унаследовала от славянофилов «горячую веру в творческие силы русского народа, не заражённого европейскими влияниями», а от западников – «идеалы передовых европейских мыслителей, сосредоточивающиеся в наше время преимущественно в сфере социальной и экономической». В последнем убеждают и политические взгляды самой Крандиевской.

Известно, что в начале XX столетия писательница примыкала к партии социалистов-революционеров – идеологических преемников народников. В октябре 1902 года она читала в Вене «доклад о современном положении в России в кружке социалистов-революционеров. Призывала слушателей к оказанию материальной помощи боевой организации и принимала участие в сборе средств» [Русские писатели, 1994, с. 127]. Однако после поражения революции 1905–1907 годов и близкого знакомства с христианскими взглядами Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского у Крандиевской появились «сомнения в перспективах социальной революции», которые отразились в романе «Тайна радости», опубликованном в 1913 году в журнале «Новая жизнь».

В любом случае, независимо от вектора общественно-политической мысли, и Колобкова, и Крандиевская понимали, что острое противоборство внутри страны неизбежно приведёт к краху. Но при этом последняя никогда бы не согласилась с тем, что фиаско, с которым остаётся её героиня, – и есть её победа, означающая разрыв с

реальностью «Балагура» – реальностью, приносившей хлеб, но убивавшей её изнутри, делавшей заложницей псевдомира Митюшкиных и Стебельковых.

Заключение

Нам неизвестно, читал ли А. К. Гольдебаев рассказ «Газетчица». Скорее всего, читал и внимательно следил за творчеством своей литературной наставницы и пытался учиться на примере её сочинений. В таком случае, какие уроки мог извлечь провинциальный сочинитель из рассмотренного рассказа? Возьмём на себя ответственность предположить, что после прочтения рассказа своей глубокоуважаемой наставницы Крандиевской начинающий писатель Гольдебаев должен был, в первую очередь, пересмотреть повествовательную организацию своих сочинений, научившись сдерживать своё авторское «я».

В максимальной степени приглушить голос автора ему помогло бы использование в качестве основной характеристики персонажей и движущей силы сюжета диалогов и внутренних монологов. Во-вторых, Гольдебаеву следовало исключать описание лишних деталей и подробностей, концентрируясь исключительно на существенных сюжетобразующих элементах, и в соответствии с этим выстраивать композицию всего произведения так, чтобы события развивались динамично. Наконец, было необходимо стремиться к более чёткой мотивной организации произведения, чтобы читателю было проще «расшифровать» то, что не лежит на поверхности, но обладает высокой информативностью» [Андрюхина, 2013]. Всё это, по мнению Крандиевской, и должно было помочь её адресату и ученику покончить с азбучными сюжетами и создать «что-нибудь крупное».

Осознал ли Гольдебаев силу слабости своего героя Ивана Степановича Курунова? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Во всяком случае, именно к этому будут подталкивать литератора из Самары другие его учителя, и, прежде всего, А. П. Чехов. Правда, прежде чем Гольдебаев усвоит эти уроки, ему предстоит пройти большой путь увлечений и разочарований, литературного ученичества и художнического самоопределения.

Библиографический список

1. Андрюхина А. В. Символические сюжетные мотивы прозы И. С. Тургенева // Художественное произведение в современной культуре: творчество – исполнительство – гуманитарное знание: сборник

материалов и научных статей международной заочной научно-практической конференции. Челябинск : Южно-Уральский государственный институт искусств им. П. И. Чайковского, 2013. С. 91–95.

2. Гольдебаев А. К. Иван Степанович. Машинопись. Самарский литературный музей. Б/н.

3. Ерохина Т. И. Личность и текст в культуре русского символизма. Ярославль : Изд-во ГОУ ВПО «ЯГПУ им. К. Д. Ушинского», 2009. 330 с.

4. Крандиевская А. Газетчица // Жизнь. 1900. № 7. С. 132–151.

5. Крандиевский Ф. Ф. По дорожкам детскосельских парков // Звезда. 1984. № 3. С. 45–73.

6. Кройчик Л. Е. Поэтика комического в произведениях А. П. Чехова. Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1986. 276 с.

7. Летов Б. Д. Короленко-редактор. Ленинград : Издательство Ленинградского ун-та, 1961. 217 с.

8. Литературная энциклопедия терминов и понятий. Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2001. 220 с.

9. Лысков Д. Ю. Великая русская революция: 1905–1922. Изд. 2-е. Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 400 с.

10. Перепелкин М. А. «Небожительница» и «пентюх» // Свежая газета. Культура (Самара). 2019. Апрель. № 7 (157). С. 18–19.

11. Перепелкин М. А. В чём причина? // Самарские судьбы. 2013. № 6. С. 90–115.

12. Перепелкин М. А., Морозова К. И. А. К. Гольдебаев и А. П. Чехов (от «В чём причина?» к «Ссоре») // XXIII Чеховские чтения: Материалы региональной научной конференции. 29–30 января 2020 года. Южно-Сахалинск : ООО «Эйкон», 2020. С. 13–18.

13. Полякова С. Г. Крандиевская Анастасия Романовна // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. В 7 томах. Том 3: К – М. Москва : Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 127–128.

14. Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы. 7-е изд. Санкт-Петербург, 1909. 487 с.

15. Тарланов Е. З. Между золотым и серебряным веком. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2001. 400 с.

16. Толстая М. А. Тихая музыка памяти // Нева. 1987. № 7-8. С. 188–201.

17. Толстой Д. А. Для чего всё это было. Воспоминания. Санкт-Петербург : Библиополис Композитор, 1995. 624 с.

18. Чудаков А. П. Поэтика Чехова. Мир Чехова: возникновение и утверждение. Санкт-Петербург : Азбука, 2016. 701 с.

19. Чудаков А. П. Гольдебаев Александр Кондратьевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. В 7 томах. Том 1: А – Г. Москва : Большая Российская энциклопедия, 1989. С. 620.

20. Cintula I. K problematike analýzy literárneho diela // Opera Slavica. 2020. Vol. 30, iss. 1. Pp. 73–74.

21. Dohnal J. Anton Pavlovič Čechov jako strážce hodnot // Opera Slavica. 2010. Vol. 20, iss.1. Pp. 16–22.

22. Vaysman M. A Woman's Lot: Realism and Gendered Narration in Russian Women's Writing of the 1860s // The Russian Review. 2021. Vol. 80, iss.2. Pp. 229–245.

Reference list

1. Andrijuhina A. V. Simvolicheskie sjuzhetnye motivy prozy I. S. Turgeneva = Symbolic plot motifs in the prose of I. S. Turgenev // Hudozhestvennoe proizvedenie v sovremennoj kul'ture: tvorčestvo – ispolnitel'stvo – gumanitarnoe znanie: sbornik materialov i nauchnyh statej mezhdunarodnoj zaočnoj nauchno-praktičeskoj konferencii. Cheljabinsk : Južno-Ural'skij gosudarstvennyj institut iskusstv im. P. I. Čajkovskogo, 2013. C. 91–95.

2. Gol'debaev A. K. Ivan Stepanovich = Ivan Stepanovich. Mashinopis'. Samarskij literaturnyj muzej. B/n.

3. Erohina T. I. Lichnost' i tekst v kul'ture ruskogo simvolizma = Personality and text in the culture of Russian symbolism. Jaroslavl' : Izd-vo GOU VPO «JaGPU im. K.D. Ushinskogo», 2009. 330 s.

4. Krandievskaja A. Gazetčica = A newspaper girl. // Zhizn'. 1900. № 7. C. 132–151.

5. Krandievskij F. F. Po dorozhkam detskoseľ'skih parkov = Along the paths of Detskoye selo parks // Zvezda. 1984. № 3. S. 45–73.

6. Krojčik L. E. Pojetika komičeskogo v proizvedenijah A. P. Čehova = The poetics of the comic in A. P. Čekhov's works. Voronežh : Izd-vo Voronežskogo un-ta, 1986. 276 s.

7. Letov B. D. Korolenko-redaktor = The editor Korolenko. Leningrad : Izdatel'stvo Leningradskogo un-ta, 1961. 217 s.

8. Literaturnaja jenciklopedija terminov i ponjatij = Literary encyclopedia of terms and concepts. Moskva : Institut nauchnoj informacii po obščestvennym naukam RAN, 2001. 220 s.

9. Lyskov D. Ju. Velikaja ruskaja revoljucija: 1905–1922. Izd. 2-e. = The great Russian revolution: 1905–1922. 2nd ed. Moskva : Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2013. 400 s.

10. Perepelkin M. A. «Nebozhitel'nica» i «pentjuh» = «The celestial woman» and «the simpleton» // Svezhaja gazeta. Kul'tura (Samara). 2019. Aprel'. № 7 (157). S. 18–19.

11. Perepelkin M. A. V čjom pričina? = What is the reason? // Samarskie sud'by. 2013. № 6. S. 90–115.

12. Perepelkin M. A., Morozova K. I. A. K. Gol'debaev i A. P. Čehov (ot «V čjom pričina?» k «Ssose») = A. K. Goldebayev and A. P. Čekhov (from "What's the reason? to "Quarrel") // HHIII Čehovskie čtenija: Materialy regional'noj nauchnoj konferencii. 29–30 janvarja 2020 goda. Južno-Sahalinsk : OOO «Jekon», 2020. S. 13–18.

13. Poljakova S. G. Krandievskaja Anastasija Romanovna = Krandievskaja Anastasija Romanovna // Russkie pisateli. 1800–1917: Biografičeskij slovar'. V 7 tomah. Tom 3: K – M. Moskva : Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 1994. S. 127–128.

14. Skabichevskij A. M. Istorija novejšej ruskoj literatury. 7-e izd. = History of the new Russian literature. 7th ed. Sankt-Peterburg, 1909. 487 s.

15. Tarlanov E. Z. Mezdu zolotym i serebrjanyj vekom = Between the Golden and Silver Ages. Petrozavodsk: Petrozavodskij gosudarstvennyj universitet, 2001. 400 s.

16. Tolstaja M. A. Tihaja muzyka pamjati = Quiet music of memory // Neva. 1987. № 7-8. S. 188–201.

17. Tolstoj D. A. Dlja čego vsjo jeto bylo. Vospominanija = What it was all for. Memories. Sankt-Peterburg : Bibliopolis Kompozitor, 1995. 624 s.

18. Čudakov A. P. Pojetika Čehova. Mir Čehova: voznikovenie i utverzdenie = Čekhov's poetics. Čekhov's world: origin and formation. Sankt-Peterburg : Azbuka, 2016. 701 s.

19. Čudakov A. P. Gol'debaev Aleksandr Kondrat'evič = Goldebayev Alexandr Kondratyevič // Russkie pisateli. 1800–1917: Biografičeskij slovar'. V 7 tomah. Tom 1: A – G. Moskva : Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 1989. S. 620.

20. Cintula I. K. problematike analýzy literárneho diela // Opera Slavica. 2020. Vol. 30, iss. 1. Pp. 73–74.

21. Dohnal J. Anton Pavlovič Čechov jako strážce hodnot // Opera Slavica. 2010. Vol. 20, iss.1. Pp. 16–22.

22. Vaysman M. A Woman's Lot: Realism and Gendered Narration in Russian Women's Writing of the 1860s // The Russian Review. 2021. Vol. 80, iss.2. Pp. 229–245.